

В. Ю. Зорин¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ПРОТИВ КОНФЛИКТА ЦИВИЛИЗАЦИЙ. РОССИЙСКИЕ АРГУМЕНТЫ

С распадом СССР и ликвидацией противостояния двух идеологических систем, которые обеспечивали некоторую интеграцию, унификацию и стабильность, противоречия между особенностями культур и религий стали проявляться все чаще и далеко не гармоничным образом.

В дополнение к возрастающему числу этнических и религиозных конфликтов добавилась борьба за общую модель развития — однополюсный или многополюсный мир. Преследуя глобальные геополитические цели, активные субъекты современных международных отношений выстраивают доктрины и стратегии на основании каких-либо научных идеологизированных концепций.

Среди таких доктрин уместно вспомнить миротворческий подход к глобальным процессам Иммануэля Валлерстайна, либеральный миропорядок Френсиса Фукуямы, геополитический подход Жака Аттали, Великую шахматную доску Збигнева Бжежинского, концепцию многополярности Карло Санторо.

Наиболее заметной попыткой отразить существующие в мире процессы была работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и трансформация мирового порядка» (1996). Автор предложил еще одно целостное видение «мирового порядка» и «образа мира в целом». Хантингтон выделяет две точки зрения на будущее развитие культур: мультикультуралистов (по антропологической терминологии — сторонников этнического плюрализма и многообразия культур) и универсалистов. Универсалисты — сторонники новой универсальной культуры, сформировавшейся на основе западной (в основном США), которая должна распространяться во всем мире, сметая на своем пути все перегородки и уничтожая ненужное разнообразие культур, религий и т. д. Универсалисты убеждены в абсолютной значимости западной культуры. Они искренне полагают, «что люди всех обществ стремятся воспринять западные ценности, институты и обычаи. Если же оказывается, что у них нет такого желания и что они привержены своим традиционным культурам, то этих людей считают жертвами “ложного сознания”, сравнимого с тем, какое

марксисты обнаруживали у пролетариев, поддерживающих капиталистов»².

Каким же представляется мир Хантингтону? Это взаимодействие цивилизаций, которое может по ряду причин превратиться в столкновения и войны — локального и глобального характера. В определенном смысле Хантингтон возрождает цивилизационный подход Н. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера.

Основной тезис, который отстаивает Хантингтон, состоит в том, что различия между цивилизациями огромны и еще долго будут оставаться таковыми. С его точки зрения, цивилизации-метакультуры несхожи по своей истории, образу жизни и, что самое важное, по религиям. У людей различных цивилизаций отличаются представления о мире в целом, о свободе, о моделях развития, о соотношении индивида и общества, о вере и Боге. Основопологающим для политолога Хантингтона является положение о том, что межкультурные различия более фундаментальные, чем политические и экономические.

Как подчеркивал Александр Запесоцкий, такая постановка вопроса привела к тому, что «он был воспринят как апологет идей исторической предопределенности, неизбежности конфликта цивилизаций»³. Но так считали далеко не все авторитеты гуманитарных наук.

Идиологема конфликта цивилизаций была спокойно встречена учеными и политиками России, теория не получила достойной критики, а ее опасность, по моему убеждению, недооценена до сегодняшнего дня. Правда, в конце своей жизни С. Хантингтон дистанцировался от своего главного тезиса, но сама теория жива, а аргументация ее создателя продолжает самостоятельное существование.

В ряде своих работ я писал о теоретической несостоятельности и практической вредности концепции конфликта цивилизаций, особенно в условиях нашего Кавказа и Поволжья. Предлагалось также изжить этот термин из политического лексикона⁴.

Распространенность и общепризнанность концепции С. Хантингтона в среде политиков, общественных деятелей, научного экспертного сообщества позволяет оценивать ее в большей степени как доктрину, подкрепляющую многие шаги западных политических и военных структур в сфере внешней политики, в области стимулирования определенных глобализационных процессов. Наиболее рельефно позиция Хантингтона выражается в следующем суждении: в мире, где культурные идентичности — эт-

¹ Заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН (Москва), доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор. Автор более 90 научных и научно-популярных публикаций, в т. ч. книг: «Международные и межконфессиональные отношения в Российской Федерации», «Проблемы раннего предупреждения и профилактики деструктивных явлений», «Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики», «Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы», «Русский народ в национальной политике. XX век», «Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законодательства» и др. Входит в состав редакционного совета журнала «Вестник российской нации». Член Союза писателей России. Награжден орденами Почета, Дружбы.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 511.

³ См.: Материалы X Международных Лихачевских научных чтений. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 37.

⁴ См.: Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М., 2002. С. 44; Свободная мысль. М., 2003. № 12. С. 4–15; Этнопанорама. Оренбург, 2006. № 3–4. С. 2–14.

нические, национальные, религиозные, цивилизационные — занимают главное место, они должны оказывать определяющее влияние на политику всех государств, в первую очередь США и Запада.

Сегодня в России, формулирующей собственную точку зрения на многие процессы на международной арене, во многом необходимо критически подходить к изыскам западных идеологов, пропагандирующих «универсальные подходы» к складывающимся процессам и возникающим в международной жизни явлениям.

Хорошо известно, если этнический конфликт усугубляется религиозным фактором, он становится особенно разрушительным и трудно поддается урегулированию. Неким теоретическим обоснованием этому призвана служить ставшая модной в последние годы точка зрения, согласно которой развитие мира представляется как развитие и взаимодействие отдельных цивилизаций. Цивилизации при этом изображаются в виде огромных культурных блоков, основанных на отдельных религиозных традициях: христианская цивилизация, мусульманская цивилизация, буддистская цивилизация и т. д. Если такие цивилизации представлять, как это нередко бывает, как закрытые целостности, неспособные к взаимопониманию, и видеть в их взаимопроникновении только потенциальное зло, то можно предсказать губительные конфликты между ними, представляющие главную угрозу всему человечеству.

В чем суть предсказаний С. Хантингтона? Рассматривая взаимодействие цивилизаций, американский ученый обращает внимание на сокращение содержательного присутствия Запада в незападных обществах. По его мнению, вскоре «наступит период геополитического противостояния по границам цивилизаций». Одним словом, отношения между цивилизациями сводятся к противостоянию, столкновению и конфликтам. Ученый предрекает рост межрелигиозных столкновений в ближайшем будущем. Это произойдет, по его мнению, именно на стыках названных цивилизаций¹.

По мнению Хантингтона, конфликты наиболее вероятны по «линиям культурных разломов» или пространственных границ, метакультурных общностей. Вся его книга пронизана предчувствием близких локальных межцивилизационных столкновений. Иногда в его формулировках присутствует уверенность в грядущих сражениях. Чем она вызвана? Основываясь на его исследовании, можно выделить несколько аспектов современной эпохи, способных дестабилизировать обстановку в мире в целом. Согласно воззрениям Хантингтона, особую роль в определении облика современного мира играет фундаментализм (строгое соблюдение архаических

норм, консерватизм и возврат к старым порядкам), прежде всего в виде религиозных движений. Возврат к традиционным культурным ценностям Хантингтон оценивает как реакцию на экспансию западной индустриальной культуры в развивающиеся страны. Особенно ярко подобная реакция проявляется в странах исламской ориентации, которые играют существенную роль в современную эпоху.

Своей концепцией «столкновения цивилизаций» профессор С. Хантингтон бросил вызов многим устоявшимся представлениям о характере происходящих и потенциальных глобальных и региональных противостояний, а также предложил новую парадигму для теоретического исследования и прогнозирования миропорядка на рубеже XX и XXI веков. С солидной долей уверенности можно сказать, что это едва ли не самая крупная из представленных за последнее десятилетие концепция, в которой дана общая картина мира.

Тезис Хантингтона о том, что именно цивилизационная модель объяснения современного и будущего состояния мира способна стать обобщающей, или главной научной парадигмой эпохи после холодной войны, вызвал серьезные возражения критиков. С такой упрощенной постановкой вопроса не согласен, например, Л. И. Абалкин. С точки зрения его теории исторического синтеза, влияние цивилизационных особенностей на развитие общества в каждой стране является лишь одним из трех мега-трендов: «До сих пор крайне слабо изучен вопрос о том, как воспроизводится тип цивилизации на протяжении нескольких столетий, каков генетический код, с помощью которого цивилизация воспроизводится на новом этапе? Это одна из сложнейших проблем. Во многом это определяется состоянием культуры в самом широком понимании, традициями, системой ценностей, верований, мотиваций, семейными отношениями, семейными преданиями и многим другим»².

Но вернемся к рассмотрению важнейших постулатов теории конфликта цивилизаций С. Хантингтона. Немаловажен и тот факт, что С. Хантингтон — политолог, а не историософ или культуролог: его построения адресуются не столько научной общественности, сколько ныне действующим политикам. Из предлагаемой концепции им сделаны практические выводы, даются определенные политические прогнозы, а западным политикам предлагается придерживаться стратегии, опирающейся на цивилизационную парадигму. В связи с этим вопрос о степени надежности предлагаемой им конструкции приобретает особую значимость.

Идеология вместо экономики. С. Хантингтон исходит из верного положения о том, что единство незападного мира или раскол по линии «Запад—Восток» — это миф, созданный на Западе. На самом деле для человеческого общества всегда была свойственной поликультурность. Такое положение сохраняется и поныне. Впервые в истории мир стано-

¹ Основные труды С. Хантингтона: “The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations” (1957), “The Common Defense: Strategic Programs in National Politics” (1961), “Political Order in Changing Societies” (1968), “American Politics: The Promise of Disharmony” (1981), “The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century” (1991), “The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order” (1996), “Who Are We? The Challenges to America’s National Identity” (2004).

² См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полит. 1994. № 1. С. 33–38.

вится в политическом отношении многополярным. Вопреки надеждам западных политологов никакой универсальной цивилизации не возникает. Зато на смену трем большим блокам периода холодной войны, по заключению С. Хантингтона, приходят семь или восемь мировых цивилизаций.

Автор полагает, что после окончания холодной войны в жизни людей превалирующую роль играют культура, идентичность и их символы, отодвинувшие на второй план идеологию и политические или экономические интересы. По мнению С. Хантингтона, в условиях современности не идеология, а культура становится основой для объединения стран в блоки или цивилизации. Говоря о том, что отношения между цивилизациями приходят на смену идеологически окрашенной конфронтации двух систем времем «холодной» войны, он представляет их новым явлением последнего периода развития.

Более всего С. Хантингтон пытается доказать, что в итоге модернизации глобальная политика перестроилась в соответствии с культурными различиями. Люди и страны с близкими культурами стремятся держаться вместе, а люди и страны с разными культурами расходятся. Союзы, которые диктовались идеологией и взаимоотношениями супердержав, теперь сменяются союзами, определяющимися культурой и цивилизацией. Политические границы все более совпадают с культурными, этническими, религиозными и цивилизационными, культурные объединения приходят на смену идеологическим блокам эпохи холодной войны.

Однако, провозглашая «человеческую историю историей цивилизаций», С. Хантингтону следовало бы более обстоятельно пояснить это положение. Одна из главных его идей заключается в том, что в условиях современности цивилизация из объекта истории превращается в ее субъект. И с этим можно было бы согласиться. Но такой вывод отнюдь не означает, что цивилизационная парадигма господствовала исторически.

Несомненно, цивилизационный подход применяется некоторыми историками для упорядочения знаний о мировой истории, однако при этом цивилизации понимаются ими как исключительно или прежде всего культурные общности высшего порядка, не имеющие прикладного отношения к мировой практике. В истории война и политика были делом политических общностей (прежде всего государств), обладающих центральным руководством и общей волей. Культурным же общностям все это было чуждо.

Кроме того, специалистам известно, что применение цивилизационного подхода ограничено из-за отсутствия общепринятых критериев выделения отдельных цивилизаций. Поэтому перечень таких цивилизаций у разных авторов так или иначе отличается. Все это не мешает историкам с известной долей условности использовать цивилизационный подход для некоторых специальных целей. Однако он не может служить единственной надежной основой для серьезных политических прогнозов и тем

более для выработки реальной политической стратегии.

Религия как фантом. Каким же образом в таком случае поступает С. Хантингтон? Главной определяющей чертой рассматриваемых им цивилизаций считается религия, хотя при этом автор допускает, что четких критериев и границ у цивилизаций и быть не может. Из контекста его книги следует, что цивилизации определяются по доминирующему населению и его религии. Поэтому, например, в православную цивилизацию зачисляется вся Евразия, включая Казахстан, Грузию и Армению, а также ряд восточноевропейских стран. Следовательно, допускается, что в составе одной цивилизации могут находиться фрагменты других цивилизаций, например, вкрапления мусульман в России, Грузии и Казахстане. Именно в этом С. Хантингтон видит реальную угрозу этим странам и полагает, что им грозит неминуемый распад, как это уже произошло с Союзом ССР или Югославией. Похоже, то же самое он предсказывает и России.

Попытка выделения отдельных цивилизаций по одному жесткому критерию, в данном случае по религиозному, которую предпринял С. Хантингтон, обнаруживает принципиальную невыполнимость поставленной задачи. Например, в качестве отдельной цивилизации он выделяет Латинскую Америку. На наш взгляд, если последовательно руководствоваться исключительно конфессиональной принадлежностью, то следовало бы объединить Латинскую Америку с Испанией, Португалией, Францией и Италией (и даже Южной Германией), противопоставляя их Центральной и Северной Европе.

Однако это «развалило» бы стройный образ западной цивилизации, так любовно выпестованный С. Хантингтоном. Вместе с тем, избегая деления Запада на протестантский и католический, он в то же время берет на себя смелость предсказать, например, распад Украины на две части (Восточную и Западную) по религиозному принципу. Кроме того, проводя водораздел между Западной (католическо-протестантской) и православной цивилизациями, С. Хантингтон представляет исламский мир единой цивилизацией и не делит его ни на сунитскую, ни на шиитскую общности.

Враг или иной. В ограниченных рамках С. Хантингтон трактует и универсальную дихотомию «мы—они». По его мнению, для людей, ищущих идентичность и вновь изобретающих этничность, очень важен образ врага, нередко им объявляется варварство. На последней странице своего труда Хантингтон утверждает, что в «глобальном» возможном столкновении «между цивилизацией и варварством, великие мировые цивилизации... должны держаться вместе или же они погибнут поодиночке»¹. Однако автор не объясняет, почему образ «мы» должен обязательно противопоставляться не образу «другого», а образу именно врага. Судя по всему, над исследователем довлеет распространенный культурный стереотип.

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 532.

Тем не менее на основе этих сомнительных предпосылок делаются смелые выводы о том, что особенно опасная вражда между обществами возникает на расколах между основными мировыми цивилизациями, которые выглядят абсолютными антиподами и якобы по определению находятся в антагонистических противоречиях.

Конфликт цивилизаций или конфликт невежества. Рассуждая далее, С. Хантингтон не отличает причины конфликта от механизмов мобилизации и формирования союзов. При этом не берется во внимание, что культура гораздо чаще создает предпосылки для солидарности (хотя и это обстоятельство не следует абсолютизировать), чем служит почвой для конфликта. По нашему мнению, С. Хантингтон слишком преувеличивает распространенность конфликтов из-за различий базисных ценностей в современном мире. Там, где он находит «религиозный конфликт» (осетино-ингушский, палестино-израильский и пр.), речь чаще всего идет о политических и территориальных конфликтах, имеющих лишь косвенное отношение к религии или культуре.

Так, крупнейший российский исламовед В. Намкин подчеркивает: «Например, посмотрим на конфликт между армянами и азербайджанцами, возникший вокруг Карабаха... Там не просматривается конфессиональный элемент — это конфликт не из-за веры и нравственных ценностей, здесь дело не в культурном диссонансе. Это вопрос политики, земли, интересов власти, доступа к ресурсам и т. д.»¹.

Культура за или против политики. Своим открытием С. Хантингтон считает определение роли и места культурного фактора в мировой политике.

При всей важности культурного фактора представляется, что С. Хантингтон искажает его роль, заявляя, будто разные потенциалы политического и экономического развития у разных цивилизаций коренятся в их разной культуре. Например, он утверждает, что именно культурный фактор создает в Восточной Азии трудности с установлением демократических систем. Однако достаточно сравнить Северную Корею и Южную Корею или, например, Гонконг и Тайвань с Китаем, чтобы увидеть, что дело заключается вовсе не в культуре, а в политическом режиме. Столь же сомнительно звучит обвинение исламской культуры в неудаче демократических опытов в мусульманском мире — достаточно сравнить те же Пакистан и Турцию с Сирией или Ираком.

Разнообразию отмечается даже в бывшей советской Средней Азии, где Казахстан гораздо дальше продвинулся по пути развития демократического общества, чем, например, тот же Туркменистан. Между тем, С. Хантингтон безапелляционно заявляет, что развитие в посткоммунистических странах определяется, прежде всего, их цивилизационной подосновой: прогресс наблюдается там, где имеется наследие западного христианства. В связи с этим возникает вопрос, можно ли сказать, что, например,

Западная Украина продвинулась по пути прогресса дальше, чем Восточная Украина?

Фактически С. Хантингтон превращает «цивилизации» в необычайно устойчивые общества, неспособные к выработке каких-либо значимых общих культурных элементов. Из этого можно сделать вывод о якобы имманентно присущих их взаимоотношениям взаимном непонимании и враждебности. Следовательно, напряженность между ними объясняется не какими-либо реальными интересами с их своеобразной исторической динамикой, а культурными различиями. Вот почему С. Хантингтон заявляет, что «проблема для Запада — не исламский фундаментализм, а ислам как иная цивилизация».

Такая постановка вопроса крайне неверна и крайне опасна для будущей единой Европы. Тем более она неприемлема для России, где, по итогам переписи 2010 года, живет 14–16 млн граждан, представляющих народы, которые придерживаются исламской традиции. Весь исторический опыт нашей страны свидетельствует: возможен не только диалог между христианством и исламом, но и их сотрудничество.

Можно заметить, что в риторике С. Хантингтона находит место и аргумент о культурной несовместимости, который последние двадцать лет активно используется в Западной Европе новыми расистами. Подобно им он упрекает иммигрантов в нежелании ассимилироваться и упрямой приверженности своим собственным культурам — будто бы это создает угрозу распаду принимающих стран, подрывая их христианские основы. На самом же деле за этим якобы «культурным» конфликтом, как правило, стоит много факторов, в том числе и практика дискриминации иммигрантов.

По сути, концепция С. Хантингтона, объявляющая культурную гомогенность панацеей от многих бед современного мира, поощряет этнонационализм и этнические чистки, то есть проведение кристаллизации общества.

Словом, цивилизационный подход в изложении С. Хантингтона — это своеобразный взгляд кабинетного ученого, весьма отдаленный от реальности. Чтобы понять это, достаточно обратиться к недавней истории постсоветских стран. Что касается России, то в ней благодаря объединяющей роли русского народа сохранилось уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов. Они сыграли историческую роль в формировании российской цивилизации, имеющей сложный характер и сумевшей, изменяя исторически свои политические границы, сохранять и поддерживать глубинные внутренние основы социально-культурной самобытности входящих в нее общностей. Их взаимодействие, не исключая конфликт как важнейшую форму развития, базировалось, тем не менее, не на попытках тотально навязать свои принципы друг другу, а на сотрудничестве, особенно и прежде всего именно между этноконфессиональными общностями как субъектами цивилизаций. Хорошо известны исторические факты подобного

¹ См.: Актуальные проблемы гуманитарных наук—2008. СПб.: СПбГУП, 2009. Вып. 89. С. 68.

рода, связанные как с международными коммуникациями горизонтального характера (например, между русскими и представителями мусульманских и иных конфессий этносов вновь присоединившихся регионов), так и с государственной политикой предоставления экономических и политических льгот населению «цивилизационно чуждых» западных и восточных окраин, например времен Александра I и вплоть до перестройки 1980-х годов¹.

В России, несмотря на стремления некоторых экстремистов с обеих сторон, не удалось спровоцировать раскол между православными и мусульманами. Между тем чеченские сепаратисты, всячески подчеркивающие свою верность исламу и исламской солидарности, ухитрились напасть на Дагестан и получили отпор от местных мусульман, вовсе не желающих становиться частью нового Халифата.

Рассчитывая на солидарность в мусульманском мире, чеченские сепаратисты были разочарованы, не получив той всеобъемлющей поддержки, на которую они рассчитывали. Эта неудача постигла балкарских и карачаевских радикалов. Нельзя также не признавать, что ваххабиты не имеют большой поддержки среди российских мусульман.

Факты недавнего прошлого опровергают умозаключения американских политологов. События августа 2008 года вокруг Грузии — еще один аргумент в пользу несостоятельности конфликта цивилизаций. Православная Грузия осуществила акт геноцида в отношении такой же православной Южной Осетии, но зато в последние годы ею были установлены нормальные отношения с мусульманскими странами — Азербайджаном и Турцией. Кстати, показателен тот факт, что С. Хантингтон ни разу не упомянул Грузию! Он постоянно обходит ее в своих рассуждениях, в частности о том, что новые католические и протестантские страны устремились в ЕС и НАТО. Но ведь туда же длительное время устремляется и Грузия, не будучи ни католической, ни протестантской страной. Трудно поверить в то, что такой искушенный профессионал, как С. Хантингтон не был осведомлен о положении дел в Грузии. По нашему мнению, такое умолчание запрограммировано, так как политика Грузии никоим образом не вписывается в нарисованную им картину. Кстати не объяснил автор и того положения, согласно которому православная Грузия уживается в западной цивилизации и не стремится в православную цивилизацию. Не менее показателен и тот факт, что в свою очередь Армения, хотя и находилась в конфронтации с Азербайджаном, поддерживала дружественные отношения с Ираном, а затем сумела установить достаточно тесные отношения с Турцией.

¹ См., например: *Кантелер А.* Россия — многонациональная империя. М., 1997; *Национальная политика России: история и современность.* М., 1997; *Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов.* М., 1998; *Мартин Т.* Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab imperio.* 2002. № 2; *Организация политического пространства империи и нации // Ibid.* 2002. № 7; и др.

В Средней Азии так называемая «мусульманская солидарность» вовсе не помешала резне в Фергане в конце 1980-х годов, Ошскому конфликту 1990 года и трагическим событиям 2010 года.

Не срабатывает тезис о прочной мусульманской солидарности и на международном уровне. До сих пор между республиками Центральной Азии остаются противоречия, имеются в наличии неурегулированные территориальные споры. Общеисламская культурная подоснова вовсе не помогает в этих регионах региональной интеграции. Например, Казахстан и Кыргызстан гораздо более склонны к сближению с Россией, чем с Узбекистаном.

Выдающийся российский ученый Н. Н. Моисеев писал: «Вряд ли прав Тойнби, утверждавший, что религии формируют цивилизации (таких же взглядов придерживается и С. Хантингтон). Ведь цивилизации старше любой религии, и мне кажется, что в данном случае все происходит как раз наоборот: цивилизации выбирают религию и адаптируют ее к своим традициям, оправданным историческим опытом. Я думаю, особенности цивилизаций определяются, прежде всего, условиями жизни, особенностями территории, ее ландшафтами, климатом»².

«Принимая это утверждение Н. Н. Моисеева, — замечает Е. М. Примаков, — представляется нужным добавить, что религии являются важнейшей составной частью цивилизаций, оказывающей на них поистине огромное воздействие». И далее, Примаков справедливо указывает: «Это факт, что ислам, точно так же, как и христианство, иудаизм, буддизм, порожден “своей” цивилизацией и оказывает весьма большое влияние на ход дальнейшего ее развития. Однако исторической правдой является взаимозависимость, взаимопроникновение цивилизаций и их важнейших составляющих — религий»³.

В современных этнополитических конфликтах религиозный фактор является не причиной, а фоном, который может либо осложнять конфликт, либо, напротив, снижать его накал. Ведь, как отмечалось выше, несмотря на внешнее оживление интереса к религии, из символа веры она превращается в культурный феномен, и все больше людей видят в ней, главным образом, символ своей этнической идентичности. Культурные символы и являются теми важными ресурсами, к которым в условиях современности, как правило, апеллируют стороны, находящиеся в конфликте. И все же включение религии в арсенал политических средств и идеологических инструментов в рассматриваемых регионах встречается не так часто, как можно было бы ожидать, следуя логике «столкновения цивилизаций».

Реальную опасность вызывает не разделение мира на несколько так называемых цивилизаций, а апелляция политиков к образу «цивилизаций». Как справедливо заметил один из критиков концепции «конфликта цивилизаций» (Г. Мирский), после того как лозунг классовой борьбы вышел из моды, у ряда политиков появился соблазн оправдывать на-

² *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизаций. М., 1998. С. 42.

³ *Примаков Е. М.* Мир после 11 сентября и вторжение в Ирак. М., 2003.

силе этничностью и религией. В таком случае угроза межэтнических и межрелигиозных конфликтов действительно значительно возрастает. К счастью, ощущая всю опасность таких конфликтов, лидеры национальных движений чаще всего воздерживаются от мобилизации религиозного фактора. Еще лучше осознает это духовенство.

Итак, мы получили весьма удавшуюся провокацию к дискуссии, конечным смыслом которой является поиск ответа на вечный вопрос о причинах различий в социально-экономическом развитии стран и народов, сводящихся к выводу о нерушимости культурных различий и агрессивной сущности их носителей. Однако такой ответ, уже в силу своей «изящной» простоты, не может быть признан удовлетворительным. Достаточно обратиться, например, к прогнозу культурного антрополога Р. Шведера, который, связав два варианта предсказаний с концепциями Ф. Фукуямы и С. Хантингтона, все же настаивает на собственном, как наиболее вероятном, третьем:

— Запад, превосходя всех и глобализуясь, распространится по всему миру;

— другие цивилизации (культурные) обречены на борьбу за сохранение своих культур;

— мир преобразуется в либеральный постмодернистский аналог Османской империи с системой религиозных общин и двумя основными «кастами» — глобальной элитой либералов-космополитов в Центре и нелибералами на местах. При этом преобразование глубинных архетипов культуры даже в условиях глобализации невозможно¹.

Вполне очевидно, что всякая умозрительная конструкция подтверждает свою обоснованность, лишь пройдя проверку реальностью. Ремесло предсказателя неблагоприятно. Однако политический опыт и социально-культурная практика подтверждают, что «западноцентристское» мышление как монополия на представления о путях и средствах человеческого прогресса изживает себя, уступая место культурному многообразию.

Другой подход основан на отношении к каждой культуре как к ценности, к источнику взаимного культурного обогащения. Для многих участников ежегодных Международных Лихачевских научных чтений он персонифицируется в фигуре Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Согласно Д. С. Лихачеву, «культура не имеет границ и обогащается в развитии своих особенностей, обогащается от общения с другими культурами. Национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению и вырождению культуры, к гибели ее индивидуальности»². В Соборном слове X Всемирного русского народного собора, проходившего в Москве в апреле 2006 года, специально было подчеркнуто, что «важной стороной миссии России в XXI веке является активное развитие диалога рели-

гий, культур и цивилизаций»³. Именно наше Отечество сегодня выступает уникальным примером пластической сложноорганизованной системы межкультурного взаимодействия, достойно выдерживающей драматические испытания на прочность и вносящей творческий вклад в мировую историю.

Диалог культур, партнерство цивилизаций — это сегодня не только теоретические конструкции высшего порядка, но и повседневность миллионов людей. И именно такой диалог культур особенно характерен для России и, прежде всего, для районов Кавказа и Поволжья. По хантингтоновскому определению эти территории относятся к зонам цивилизационного разлома, где в первую очередь и должны якобы произойти конфликты. Реальная практика населения этого региона есть лучший аргумент против сторонников конфликта цивилизаций.

Я хотел бы иллюстрировать этот тезис на конкретном опыте взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволожского региона⁴.

Территория Приволжского федерального округа является одним из полиэтнических регионов России. Она населена разными по языку и культуре финно-угорскими (мордва, эрзя и мокша, удмурты, бесермяне, марийцы); тюркскими (чуваши, башкиры, татары, в том числе кряшены и мишаре) и восточнославянскими (русские, украинцы, белорусы) народами. Этническую палитру дополняют переселенцы конца XIX — начала XX века: латыши, эстонцы, немцы, евреи, поляки, а также современные мигранты из Средней Азии и Кавказа.

Полиэтнический состав населения Волго-Уральской историко-этнографической области определил также ее поликонфессиональность. Здесь проживают последователи традиционных этнических религий (удмурты, марийцы, чуваши), суннитского ислама (башкиры, татары), православного христианства (русские, украинцы, белорусы, мордва, чуваши, кряшены, марийцы, удмурты и т. д.), старообрядчества (русские, мордва), католицизма (поляки, латыши), протестантизма: лютеране (немцы, эстонцы, латыши), баптисты, меннониты (русские, немцы и др.), иудаизма (евреи). В настоящее время широкое распространение получили различные восточные учения и протестантские деноминации.

Различные этнические и конфессиональные группы находятся в тесном соприкосновении друг с другом. Между ними происходит интенсивное взаимодействие как на этническом, так и на конфессиональном уровнях, особенно в условиях совместного проживания в одном населенном пункте. За последнее время появилось немало работ, в которых межэтнические отношения рассматриваются, прежде всего, в русле изучения конфликтов. Между тем опыт человечества говорит о том, что между группами людей, которые принадлежат к разным народам и различаются в культурном и языковом отно-

¹ См.: Culture Matters: How Values shape Human Progress. N. Y., 2000. P. 169–171.

² См.: Лихачев Д. С. Земля родная. М.: Просвещение, 1983. С. 45–49.

³ Журнал Московской патриархии. 2006. № 6. С. 77.

⁴ См.: Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 10–11, 26–27.

шении, конфликты возникают далеко не всегда. Более того, их мирное сосуществование является скорее правилом, чем исключением. Но дело не только в этом. В процессе контактирования и взаимодействия они осваивают язык и элементы культуры друг друга, в некоторых случаях изменяют свою этническую идентичность.

Процессам такого мирного взаимодействия в последнее время уделялось гораздо меньше внимания, чем проблемам межэтнических конфликтов. В частности, огромный позитивный опыт такого взаимодействия, происходившего на протяжении столетий и происходящего в наше время на территории России, изучен и освоен далеко не полностью. По-видимому, населенные пункты, где совместно проживают представители разных этнических групп, представляющей собой ту социальную среду, где наиболее интенсивно протекают процессы межэтнического и межкультурного взаимодействия. Именно в этой среде наиболее выпукло проявляются многие тенденции и механизмы этнокультурных взаимодействий.

Полевые исследования, проводимые учеными Института этнологии и антропологии РАН в 2006–2008 годы, показали, что состояние межэтнических отношений сами жители определяют как стабильное, дружеское. В подтверждение этого приводят такие факты, как смешанные семьи, трудовые коллективы и даже совместные праздники. Обе группы отмечают общность в религии и сходство в ключевых элементах праздничной культуры. Так, в календаре и чувашей, и мордвы существуют новогодние праздники с гаданиями, масленица, Пасха, семицко-троицкий цикл, некоторые элементы похоронно-поминальной обрядности (раздача подарков, ниток), обязательные дни поминовения¹.

Несомненно, этнокультурному сближению различных народов способствуют межэтнические браки, доля которых начиная с 2000 года неуклонно увеличивается. В населенных пунктах ПФО при заключении смешанных браков культурный диалог начинается с процесса сватовства. В селе Наумовка Республики Башкортостан, например, если мордва сватает чувашку, то обряд протекает «помордовски», то есть приносят с собой пирог с творогом *ава ловцо*, который съедают в доме невесты по окончании моления. В том случае, если чуваша сватает мордовскую девушку, то могут также принести пирог, но чаще купленный в магазине торт. На поминках у чувашей мордва также участвует в ритуале *хывни*, то есть крошат и складывают кусочки поминальной еды в особую посуду².

В деревне Максимово Янаульского района Башкирии, где проживают удмурты и татары, народы, придерживающиеся различных религиозных традиций, помимо брачной сфер, дружеские и соседские контакты поддерживаются в хозяйственной взаимопомощи, гостевых визитах. Удмурты навещают та-

тар на мусульманские праздники. Татары прекрасно осведомлены об обрядах удмуртов. Есть праздники, которые отмечают оба народа. Например, сабантуй, включая обход деревни накануне праздника для сбора подарков, где участвуют подростки и парни независимо от национальности. Посещают все дома, собирают яйца для состязания борцов, полотенец, платки, отрезки тканей. Удмурты считают праздник татарским, но в последние годы отмечают его вместе. Сабантуй вошел в календарный цикл удмуртов и других селений республики. Обычай татар *каз омэсе* (гусиные помочи — *tam.*) — женские осенние помочи по обработке гусей — уже стал частью праздничной культуры удмуртов, когда родственницы, соседки, коллеги по работе помогают друг другу. Событие становится местом общения, праздником и трапезой с блюдами из птицы³.

В материальной культуре народов ПФО сегодня больше сходства, чем различий. Но тем не менее одежда, культовые предметы, некоторые повседневные и ритуальные блюда сохраняют этническую специфику. В то же время планировка усадеб, архитектура имеют общие черты и носят региональный характер.

Реальностью повседневной жизни населения стал мультилингвизм, когда жители свободно владеют несколькими языками. Так, по данным переписи населения 2002 года, 98 % населения РФ владеют русским языком⁴, а более 50 тыс. русских жителей Республики Башкортостан знают татарский, башкирский, чувашский, мордовский, марийский и другие языки соседних народов⁵. В Татарстане около 80 тыс. русского населения знают языки соседних народов⁶. Высок уровень билингвизма в мордовско-чувашских, удмуртско-татарских селах.

В «Поволжской декларации» принятой на международной конференции Совета Европы «Диалог культур и межрелигиозное сотрудничество» в Нижнем Новгороде, отмечалось: «Участники отвергли тезис о том, что в основе сегодняшней нестабильности лежит “столкновение цивилизаций”». В интересах всех культурных, этнических и религиозных сообществ, чтобы подобные обманчивые и провокационные идеи не использовались в качестве фактора политической мобилизации.

Участники конференции отметили так же эффективное межкультурное и межрелигиозное сотрудничество на местном и региональном уровне в Поволжье и России в целом. Совет Европы приветствовал вклад России в разработку политики и практических действий Совета Европы, которые предоставляют в распоряжение стран-участниц свой опыт и ценные механизмы диалога культур⁷.

³ Попова Е. В. Современные процессы межэтнического и межкультурного взаимодействия у удмуртов — жителей смешанных селений // Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья. М., 2009. С. 137.

⁴ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2004. Т. 4. Кн. 1. С. 20.

⁵ Там же. С. 133–134.

⁶ Там же. С. 153–154.

⁷ См.: Итоговые документы конференции «Диалог культур и международное сотрудничество». Нижний Новгород, 7–9 сентября 2006 г.

¹ См.: Яеафова Е. А. Чуваша в контексте межэтнического взаимодействия в Прибельском бассейне Башкирии // Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья. М., 2009. С. 119.

² Там же. С. 127.

Вместе с тем, как показали последние полевые исследования ИЭА РАН, межэтнические отношения не всегда складывались гладко с самого начала, и нынешние хорошие, добрососедские и даже дружеские отношения — это результат длительного процесса постепенного сближения и взаимного привыкания представителей различных культур¹.

Современная этнополитическая ситуация в России показывает, что проблема межэтнических отношений неизменно остается одной из самых сложных и трудно регулируемых. Поэтому мы как ученые видим свою задачу в том, чтобы обобщить позитивные практики межкультурного сотрудничества, способствовать диалогу цивилизаций в условиях глобализации.

¹ Проект «Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: историко-этнологическое исследование» выполнялся при финансовой поддержке РГНФ (грант 06-01-00204а). Проект «Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: Опыт взаимной социально-культурной адаптации» выполнялся при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Руководитель обоих проектов — А. Д. Коростелев.